

УДК 81-2

Т.Ю. Тамерьян, М.С. Дзедаева*

СИМВОЛИКА ОСЕТИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Статья выявляет многообразие символической структуры концепта «число» («нымæц») как базового концепта культуры. По результатам исследования было заключено, что символическая составляющая концепта «нымæц» в осетинской лингвокультуре, репрезентированная номинатором *æртæ* «три», формируется на основе концептосоставляющих признаков, символизирующих как позитивные, так и негативные аспекты жизнедеятельности осетин.

Ключевые слова: осетинская лингвокультура, аспекты жизнедеятельности осетин, символическая структура концепта «число» («нымæц»).

Древние народы приписывали числам скрытый смысл и магическую возможность влияния на все окружающее: считалось, что числа использовались богами для управления миром [1, с. 105]. В мифопоэтических системах под числами понимается один из наиболее известных классов знаков, ориентированный на качественно-количественную оценку. Мифопоэтические основы числа, счета и числовых моделей более полно обнаруживаются в тех архаичных культурах, в которых число выступает уже самостоятельно, вне неперенной связи с объектами, а также когда число не полностью десемантизировано. В архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное «космизирующее» значение. Тем самым число становилось образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления хаотических тенденций [2, с. 630].

«Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые аспекты, транслируя их в знаковом воплощении — словах» [1, с. 53]. Мифологические числовые образы составляют часть наивной картины мира, которая, как считает Ю.Д. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [3, с. 39].

Число «три» символизирует целостность тройственной природы мира, его разносторонность, триединство создающих, разрушающих и сохраняющих сил природы — примиряющее и уравнивающее их начало, счастливую гармонию, творческое совершенство и удачу. Это наиболее значимое число во многих мифологических системах, идеальная модель любого динамического процесса, предполагающего возникновение, развитие и упадок, реализующаяся, в частности, в вертикальной структуре Вселенной [2, с. 79].

* © Тамерьян Т.Ю., Дзедаева М.С., 2014

Тамерьян Татьяна Юльевна (tamertu@mail.ru), кафедра иностранных языков для естественнонаучных факультетов; Дзедаева Марина Суликовна (vikris-0507@mail.ru), кафедра иностранных языков для гуманитарных факультетов Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, 362025, Республика Северная Осетия—Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44—46.

С.С. Аверинцев называет «три» «сакраментальнейшим из чисел» [4, с. 179]. В.Н. Топоров полагает, что «Душа человека, порожденная Небом, обретает плоть на Земле и затем уходит в подземное царство мертвых, в связи с чем число «три» прослеживается в соблюдении ритуальных обрядов. Тем самым «три» несет в себе мотивы проникновения, преодоления, победы. Не случайно «оно используется как число сказочного героя, который выходит за пределы “обычного” совершенства» [5, с. 20].

По мнению М. Джусойты, символика числа *æртæ* передает следующие идеи: «*Æртæ*» – три. «*Ар'тæ*» – «*Ар*» – *вхождение духа в материю, уплотнение вибраций Абсолюта*. «*Ар*» – *зарождасть*; «*тæ*» – *множество*; «*Артæ*» – *состояние покоя Абсолюта, начертание архетипов творения*. «*Артæ*» *соответствует женскому началу мироздания, зачатию* [6, с. 68].

Число «три» является универсальной числовой константой во многих лингвокультурах. Данная числовая константа представляет собой идеальную структуру с выделяемыми началом, серединой и концом; она легко становится совершенной моделью любого явления, в котором можно выделить указанные три элемента [5, с. 281]. По словам Аристотеля, «триада есть число целого, ибо содержит начало, середину и конец». «Сила трех» универсальна и олицетворяет трехчастную природу мира, мыслимого как небо, земля и вода. Это человек: тело, душа и дух; а также рождение, жизнь и смерть; три фазы Луны.

Концепт «число» («*нымæц*») как базовый концепт культуры относили к категории начал еще в античный период. Этимология осетинского слова, означающего число, – *нымæц* – «счет, число, численность, количество», восходит к *nimati-*, т. е. индоевропейским языкам; сравним др. индийский *mati-*, *miti-* – «мера, мерить» [7, с. 201].

В осетинской лингвокультуре было выявлено 143 объективации концепта «*нымæц*» (число, счет), передающих семантику числа *æртæ* «три», по данным лексикографических источников, на основе паремиологического фонда и фольклорных текстов – Нартовского эпоса, легенд, сказок, песен и загадок: 140 лексических единиц и 2 фразеологические единицы: *æртæ ту акæнын* – «сплюнуть три раза» (чтобы что-то плохое не сбылось); *æртæйæ хуыцауæн кувынц* – «трое богу молятся» [8–10].

Триада – это универсальная числовая константа в разных культурных традициях, характерный признак мифологических культур. Представления о верхнем, среднем и нижних мирах, о прошлом, настоящем и будущем времени – универсальные понятия в мифологии, а позднее – в эпосе и фольклоре [11, с. 65]: Три голубки в мифологии представлены как существа-медиаторы, проводники древней космогонии, объединяющие все три мира. Символика голубей в Нартовском эпосе – это мифологический знак единства Вселенной, Космоса, верхнего, среднего и нижнего миров: *Ахсæртæг æм фæстæмæ дзуры*: – *Нырма æмбисæхсæв нæу, æмæ уал хуыс. Хуыссæгхæлдзæг лæппу та 'рхуыссыд фæстæмæ æмæ та афынæй ис. Ахсæв æмæ бон кæрæдзийæ куыд хицæн кодтой, афтæ цæхæрадонмæ 'рбатахтысты æртæ маргъы. Ахсæртæг бады, йæ фат æмæ йæ 'рдын йæ къухы, афтæмæй. Кæсы, æмæ 'виппайды бæлас ныррухс и, æмæ йыл бады æртæ хсинæджы.* «Ахсартаг, сказал своему брату: – Еще ночь поспи немного. Тот лег и снова уснул. Сменяли друг друга братья ночью и днем и вдруг в сад прилетели три птицы. Не спит Ахсартаг, сидит под яблоней, держит наготове лук и стрелу. И вдруг дерево озарилось, и увидел, что на нем сидели три голубки» (Нартовский эпос).

Многообразие символической структуры числа *æртæ* «три» сочетает в себе как позитивные, так и негативные аспекты, прослеживающиеся в обычаях традициях, приметах, связанных с описанием представителей потустороннего мира, преимущественно божеств низшего пантеона. В осетинском фольклоре семантика числа *æртæ* «три» несет как положительные, так и отрицательные черты, поскольку действуют как три как плохих, так и три хороших, гибридных или антропоморфных мифологичес-

ких персонажа: æртæ фырты «три сына», æртæ хойы «три сестры», æртæ æфсымæры «три брата», æртæ уæйыджы «три уаига».

Æртæ Нарты — три главные фамилии у Нартов: Ахсартагата, Бората, Алагата. По другим вариантам — было три селенья: Верхний Нарт, Нижний Нарт, Средний Нарт. Поскольку на пиры-моления в доме Алагата обычно собирались хорошо известные три группы Нартов, или три нартовских рода — Алагата, Ахсартагата и Бората, — следует заключить, что они входили в число семи групп Нартов: *Араст сты Æртæ Нарты фæсивасивæд, Урызмагæг сæ разæй*. «Отправились молодые нарты из Трех Нартов, возглавляемые Урызмагом»; *Æртæ Нарты ныхасы бадың æмæ тархон каныңи*. «Заседают старейшие Трех Нартов на совете» (Нартовский эпос); *Нартæн æртæ фæткæн баззад: царды хъуыддаджы, куысты æмæ фынгыл дæр*. «Нарты унаследовали три традиции — поведение в жизни, в делах и в ведении стола» (пословица).

Термин «Нарт» служит общим наименованием героев эпоса, которые образуют своего рода богатырское сообщество. Нарты — герои древних эпических сказаний осетин. Нарты, воспринимаемые осетинами как их предки, в определенной мере сопоставимы с мифологическими племенами первых людей. Вообразив себя равными Богу, Нарты вызвали на себя Его гнев. Поставленные перед жестким выбором между вечной жизнью и вечной славой, Нарты отдают предпочтение вечной славе [12, с. 10].

У древних Нартов также было по три жены, что обеспечивало не только продолжение рода, но и пополняло число воинов-Нартов, участвовавших в постоянных походах и сражениях: — *Бирæ бауарзтон дæ чызджыты, мæ хорз æлдар, фæлæ мын Нарты бæсты æртæ усы ис. Нæ фидауыңи уыдон æппындæр сæ кæрæдзимæ: æдзых дæр загъд æмæ хыл каныңи*. «И ответил Сослан: — Полюбил я твоих дочерей, мой господин, но в стране Нартов остались у меня три жены. Они и так друг с другом не ладят, и вечно у нас в доме крик и брань» (Нартовский эпос).

В осетинском сознании три персонажа имеют стойкую корреляцию с определенными пространственными структурами Космоса. Уастырджи прочно занимает верхнюю зону мира. Осетины обращаются кверху (Уастырджи) с поднятой чашей в самых сакральных ритуалах. Урызмаг олицетворяет руководящую роль в социально-обрядовой организации нартов. Урызмаг — вождь реального народа, житель и представитель средней зоны мира. Шатана, связанная с порождающей женской энергией, домашним очагом, запасами еды, домом, является Матерью-землей, центром и средоточием нартовского мира [13, с. 132].

Число «три» связано с тремя важнейшими категориями жизни осетин: *Хуыцау* — «Бог», *хур* — «солнце» и *зæхх* — «земля»: *Хуыцау æрæппæрста Батрадзы мæлаты фæдыл æртæ цæссыджы, кæм æрхаудтой, уым фæвзарди æртæ кувæндонны Таранджелос, Мыкалгабыртæ æмæ Реком*. «Бог оплакал Батраза и пролил три слезы, где слезы упали, появились три святилища — Таранджелос, Мыкалгабырт и Реком» (Нартовский эпос); *Реком, Таранджелос æмæ Мыкалгабыр — Хуыцауы æртæ цæссыджы*. «Реком, Таранджелос и Мыкалгабыр — три слезы Бога» (пословица).

Согласно старинным осетинским обычаям, в честь какого-нибудь божества пекли три лепешки с начинкой из сыра, меда или картофеля. В осетинской религиозной традиции молитва к Богу произносится с тремя пирогами круглой формы (чъири). Круг символизирует землю, бесконечность и законченность. Три пирога означают прошлое настоящее и будущее. Символика традиционных в структуре трех жертвенных пирогов с сыром — уæлибæхт архаическое мышление, по мнению В.С. Уарзиати, отражает древнейшую троичную модель мира [14, с. 26].

Эти традиции отразились в осетинской обрядовой символике: *Нывондаджы кусартæн — æртæ кæрдзыны æмæ кувинадæгы нозт*. «Посвященному животному три пирога и выпивка для молитв» (пословица); *Кувæггаг та уыд — æртæ гуыдыны æмæ*

галы сгуы. «Для обращения к Богу у них было три лепешки и рог быка»; *Кæстæртæ æртæ* чырийы æрбахастой куывынмæ. «Младшие принесли три пирога для обращения к Богу» (Нартовский эпос); *Къармæгон æхсæвы æртæ* мыдамæсты ракодта æмæ скуывта: «Хуыцауты Хуыцау, ме сфæлдисон Хуыцау, залты мит æмæ 'нусы цытити кæм ныуары æмæ уыцы Нарты хъалтæн сæ лæг хуыздæр кæм рабæрæг вæййы!». «А старая Кармагон испекла в эту ночь три медовые лепешки и стала молиться над ними: – Бог богов, мой Бог! Пошли снега небывалые и спусти с гор свои вечные льды, чтобы поняли нартские хвастуны, кто из нартов наилучший мужчина!» (Нартовский эпос).

Согласно религиозным традициям, число *æртæ* «три» содержит признак «оппозиции (четность – нечетность)»: *Цины фынгыл æртæйсен* иу хай, *зианы фынгыл – дыууæйсен* – букв. «за праздничным столом троим одна порция, за поминальным столом – двоим одна порция»; *Цины бадтæн æртæ* – *хистæртæ*, *æртæ* – *кæстæртæ*, *зианы – дыууæ* – букв. «на торжественном застолье – трое старших, трое младших, на похоронах – двое»; *Цины фынгæн æртыгай кæрдзынтæ* – *кувынæн*, *зианы фынгæн дыгай кæрдзынтæ* – *хæларсен* – букв. «на торжественном застолье – три пирога для молитвы, на похоронах – два пирога». В данных пословичных изречениях число *æртæ* «три» символизирует «жизнь», а *дыууæ* «два» – загробный мир, отражая представления об обрядовой праздничной и поминальной символике осетин.

Числовая константа *æртæ* «три» является главной параметральной характеристикой микрокосмоса (три сферы вселенной, три высших ценности, божественная троица, три героя сказки, три действия или задания, три попытки, три этапа любого процесса, троекратное повторение), трехдневное путешествие, трехдневный бой, трехдневный пир.

Троекратное повторение числа *æртæ* «три» означает множественность, творческую, силу, рост, движение вперед, преодолевающее двойственность, является внешним выражением синтеза: *Уырызмæг куывд скодта йæ уазæг Саууайы тыххæй; бирæ адæм æрхуыдта куывдмæ; адæм дæр бамбæрстой уайтагъд, куывд цæй фæдыл у, уый. Саууаймæ нуазæн радтой Уацамонгæйы, æмæ йæ анозта. Æртæ боны фæбадтысты Нарт куывды.* «Устроил тут пир Урызмаг в честь своего гостя Саууая. Много народу собрал он на пир, и люди сразу поняли, в честь чего устроил Урызмаг этот пир. Преподнесли тут Саууаю почетную чашу Уацамонга, и до дна осушил он ее. Три дня пировали нарты»; *Уæд иу бон Нарты Бурæфæрныг кодта æртæ абоны куывд Нарт уырдаем хуынд уыдысты, зæрондæй, лæппуйæ.* «Все Нарты приглашены были на пир как три сегодняшних дня (пира) к Бурафарныгу» (Нартовский эпос).

Мифологические и сказочные события делятся *æртæ* азы «три года», *æртæ* боны «три дня», *æртæ* æхсавы «три ночи»: *Уырызмæг, Хæмыц æмæ Сослан æртæ азы фæцагуырдытой сæ лæппуйы, зæххыл цы нæ къуым басгæрстой, ахæм нал баззади.* «Урызмаг, Хамыц и Сослан три года искали мальчика, на земле не осталось места, где бы они не искали» (Нартовский эпос); *Паддзах æрæмбырд кодта йæ зондджын лæгты æмæ æртæ боны æмæ æртæ æхсæвы фæтæрхон кодтой, фæлæ ницы тæрхон рахæсын бацы сæ бон (Кæркæс лæппуйы аргъау).* «Алдар собрал своих мудрых подданных три дня и три ночи они судили рядили, так и ничего не решили» (Сказка о птицеведе).

Уастырджи ездит верхом на трехногом коне: *Уыцы афон Уастырджы ратахт йæ 'ртыкъахыг бæхыл.* «В этот час появился Уастырджи на трехногом коне»; *Абадт йе' ртыкъахыг бæхыл Уастырджи æмæ мæстæйдзагæй денджызы былтыл цуангæнгæ рафардæг ис йæ егаримæ.* «Разозлился Уастырджи, вскочил на своего трехногого коня и с борзой собакой своей поскакал по берегу моря. Стал он охотиться и разогнал свою досаду» (Нартовский эпос).

Нарты носят с собой *æртæ арты* «три огнива»: *Уырызмæгмæ дæр æртæ арты уыдис. Уыдонæй иу йæ фарсыл уыди, иннæ йæ астæубосыл, аннæ та йæ саргъы базы бын. Уымæн дæр йæ 'ртытæ бамбæхста Сырдон.* «У Урызмага были три огнива, из них одно огниво было с боку, другое привязано к поясу, следующее огниво хранилось у него под подушкой седла» (Нартовский эпос).

Три стрелы Сырдона летят *æртæ* 'рдаем «в три стороны»: *Уæд сын Сырдон зæгъы æртæ уæйыгæн: — Уæдæ кæд мæнмæ хъусут, уæд уæ æз бафтидауын кæндзынæн. Æз фæхсдзынæн сыхахæн уæ фæттæ æртæ 'рдæм.* «Сырдон тогда говорит трем великанам: — Вы послушайте-ка меня, и я помирю вас. Дайте мне каждый по стреле, и я пушу их в три разные стороны» (Нартовский эпос).

Герои совершают три хороших дела: — *Æртæ хорздзинады бакæнинаг дын уыдтæн, фæлæ дзы ныр иу сæххæст кæнын йæттæмæ мæ къухы нал бафтдзæн; мæ тæригъæд дæр æмæ дæ тæригъæд дæр фæхæссæд, ацы ми нын чи бакодта, уый.* «Три хороших дела задумала я совершить для тебя, но удалось мне сделать только одно. Пусть за горе, причиненное тебе и мне, падет вина на голову того, кто сотворил это зло» (Нартовский эпос).

Магическое действие предстает как символ общения со сверхъестественными силами. В магических ритуалах, как правило, три предмета, сопровождаемые часто трехкратным заклинанием. Материалом часто служит волос человека или животного, поскольку тройной счет универсален, то число *æртæ* «три» самодостаточно и совершенно. Это число уравновешено единением трех составляющих, и мир, действующий как единое целое, разделяется на три сферы: небесный — обиталище божеств, нижний — мир мертвых и нечистой силы, срединный — живых смертных людей: *Баздæх æмæ Тархъы Сындзмæ фæцу. Уым ис сау рувас — йæ ныхы æртæ урс æрдуйы. Рувасы куы 'рцахсай, уæд ын сæ ратонын хъæудзæн. Сæ иу хъуын уыдонæй уыдзæн дæуæн зонд амонæг; аннæ фестдзæн рон, æртыккаг — æгънæджытæ, æвзист æмæ сыгъзаринай аржзт. Уыдон та балавар кæндзынæ мæнæн.* «В таркских степях, излови черную лису. Три белых волоска растут у нее на лбу. Выдерни у нее эти три волоска. Один волос будет тебе советчиком, другой превратится в пояс, а третий — в застежки из серебра и золота. Пояс и застежки эти подаришь ты мне» (Нартовский эпос).

По народным поверьям нужно сплунуть три раза, чтобы нечистый не сглазил: *æртæ ту акæнын* «сплунуть три раза» (фразеологическая единица); и три раза пожелать здоровья, чтобы заслужить прощение: *«Хæйрæг алыгъди, къæрныхмæ рауадысты æмæ йæ æрцахстой. Къæрных афтæ: «Цы сарæзтаин, хъуыджы бæргæ акодтаин, фæлæ сывæллоны хъуамæ амардаид хæйрæг, æмæ йынкæд æртæ хаты исчи «цæр» загътаид, кæннод ын йæ уд хъуамæ ахастайд» (Къæрных æмæ хæйрæг).* «Черт убежал, а вора поймали. Вор и говорит: Что я мог поделаться, я, конечно, мог взять корову и убежать, но, если бы я ушел, черт бы убил ребенка, если бы кто-нибудь не сказал ребенку, когда он чихнул, «будь здоров» три раза, и люди простили вора» (сказка про вора и черта).

В осетинских проклятиях злопожелание насылается трижды сразу на три поколения: *Уыди, загъы, æртæ фæлтæрсæн æртæ хъаймæты: иу — артæй, иннæ — донсæй, æртыккаг — уазалсæй.* «Было говорят, трем поколениям три адских испытания: одно — огнем, другое — водой, третье холодом» (поговорка).

Таким образом, сакральная семантика числа *æртæ* «три» восходит к индоевропейским архетипическим представлениям о временной, пространственной последовательности посредством трехчленного эталона. Характеризуя главные параметры макрокосмоса, число «три» выступает в роли совершенного числа, обозначающего «полный набор» различных по своей природе сущностей.

По результатам исследования можно заключить, что символическая составляющая концепта «**нъмæц**» в осетинской лингвокультуре, репрезентированная номинатором *æртæ* «три», формируется на основе следующих концептосоставляющих признаков: *мифологического-космогонического символика* (1. единство Вселенной и Космоса, верхнего, среднего и нижнего миров; 2. целостность), *религиозно-мифологическая символика* (1. духовность; 2. триадная сущность), *кувдовая символика* (божественная сущность), *фольклорно-мифологическая символика* (1. преодоление, победа, достижение; 2. триадность вещественного мира), символика *похоронно-поминального обряда* («три» – число загробного мира), *магическая символика* (1. «три» – число нижнего мира; 2. связь с низшими силами, демонарием), *социальная символика* (трехчастное деление социума).

Библиографический список

1. Магкеева Л. Последние из Арктогеи-Арсии. Владикавказ: Изд-ко-полиграф. предприятие им. В. Гассиева, 2009. 752 с.
2. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 821 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Наука, 1995.
4. Аверинцев С.С. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 246 с.
5. Топоров В.Н. О космологических источниках ранне-исторических описаний. «Труды по знаковым системам», VI (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 308). Тарту, 1973.
6. Джусойты М. Время Ацамаза. Владикавказ: Ир, 2001. С. 68–74.
7. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка Т. II. М.: Виком, 1996. С. 201.
8. Осетинско-русский словарь / ред. Т.А. Гуриев. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 1993. 384 с.
9. Русско-Осетинский словарь / сост. В.И. Абаев. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970. 584 с.
10. Иристон. URL: <http://www.iriston.com>.
11. Жуковская И.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. 196 с.
12. Дзадзиев А.В., Дзусев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994. 284 с.
13. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
14. Уарзиаты В. Праздничный мир осетин/ Владикавказ: СОИГИ, 1995. 248 с.

References

1. Magkeeva L.A. The Last of Arktogei – Arsii. Vladikavkaz, Izd-ko poligraf. predpriiatie im. V. Gassieva, 2009, 752 p. (in Russ.)
2. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the sphere of mythopoetic: Selection. Moscow, Izdatel'skaiia gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995, 821 p. (in Russ.)
3. Apresyan Yu.D. Selected Works. Vol. 2. Integral description of language and systemic lexicography. M., Nauka, 1995. (in Russ.)
4. Averintsev S.S. Mythological Dictionary. E.M.Meletinsky (ed.). M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1990, 246 p. (in Russ.)
5. Toporov V.N. On the cosmological sources of early – historical descriptions. «Works on sign systems», VI (Uch. zap. Tartu gos. un-ta, vol. 308). Tartu, 1973.
6. Dzhusoity M. Time of Atsamaz. Vladikavkaz: Ir, 2001, p. 68–74.
7. Abaev V.I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language Vol.II. M.: Vikom, 1996, p.201. (in Russ.)

8. Ossetian – Russian dictionary. T.A.Guriev (ed.). Vladikavkaz: Academy of SOIGSI, 1993, 384 p. (in Ossetian)
9. Russian – Ossetian dictionary. V.I. Abaev (ed.). M.: Izd-vo «Sovetskaia entsiklopediia», 1970, 584 p. (in Russ.)
10. Iriston. Available at: <http://www.iriston.com>.
11. Zhukovskaya I.L. Categories and symbols of traditional culture of the Mongols. M., 1988, 196 p. (in Russ.)
12. Dzadziev A.V., Dzutsev Kh.V., Karaev S.M. Ethnography and mythology of the Ossetians. Vladikavkaz, 1994, 284 p. (in Russ.)
13. Abaev V.I. Selected works: religion, folklore, literature. Vladikavkaz: Ir, 1990, 640 p. (in Russ.)
14. Uarziaty V. Festive world of the Ossetians. Vladikavkaz: SOIGI, 1995, 248 p. (in Russ.)

*T.Yu. Tameryan, M.S. Dzedaeva**

SYMBOLISM OF THE OSSETIAN CULTURAL CODE

This article reveals the diversity of symbolic structure of the concept «number» («nymæts») as a basic concept of culture. According to the research it was concluded that symbolic component of the concept of «number» in the Ossetian cultural anthropology represented by the nominator «three» («æpmæ»), is based on constituent features of the concept, symbolizing both positive and negative aspects of Ossetians' life.

Key words: Ossetian linguoculture, aspects of life activity of the Ossetians, symbolic structure of the concept «number» («нымæц»).

* *Tameryan Tatyana Yulievna* (tamertu@mail.ru), the Dept. of Foreign Languages of Natural Science Faculties, *Dzedaeva Marina Sulikoevna* (vikris-0507@mail.ru), the Dept. of Foreign Languages of the Humanitarian Faculties, North Ossetian State University, Vladikavkaz, 362025, Republic of North–Ossetia Alania.